

Соображения предшественника о рецензии преемника на историю антропологических идей

В своей рецензии на мою книгу «История антропологических учений» Ю.Е. Березкин считает теорию в антропологии менее важной, чем конкретные факты. Я полагаю, что приращение конкретного знания, расширение материала и его видов во многом вызываются развитием теорий. Рецензент также осуждает живо написанные биографии ученых, тогда как мне представляется, что формирование и деятельность ученого проходят в среде и это сказывается на результатах его усилий гораздо больше, чем принято думать.

Ключевые слова: история антропологии, биографии, теории, релятивизм, постмодернизм.

В 24-м номере «Антропологического форума» появилась рецензия Ю.Е. Березкина [2015] на мою книгу «История антропологических учений». Написанная, как всегда у Березкина, живо, эмоционально и искренне, она в основном критическая, хотя и содержит лестные характеристики моего научного вклада и моей личности вообще. На критику в рецензиях принято реагировать не публично — поблагодарить рецензента при встрече или промолчать, затаив некоторое озлобление. Исключение — если расхождения носят принципиальный характер. В данном случае это так.

И если я выступаю с возражениями, это не означает, что, с моей точки зрения, критиковать в книге нечего. Я с большим вниманием воспринял указания рецензента на некоторые мои упущения в трактовке тех или иных фигур истории науки. Более того, полагаю, что некоторые принципиальные недостатки моей книги, как раз не очень акцентированные рецензентом, были запрограммированы изначально: 1) я не специалист по культурной антропологии, хотя и работал в ней, и 2) книга была основана на моем университетском курсе лекций, читавшемся давно (в поздних 90-х), и вдобавок после написания много лет путешествовала по издательствам. Кое-что в ней устарело до издания. Но, сознавая эти недостатки, я тем не менее решился на публика-

цию, потому что 1) взгляд со стороны представляет некоторые преимущества, особенно если это взгляд не сугубого дилетанта, а представителя смежной науки, 2) устареть могли некоторые детали, а история науки в общем меняется гораздо медленнее, чем сама наука. Может быть, я слишком самонадеян, но уверен: сменится еще несколько парадигм, Березкин напишет свой учебник (несомненно, он будет талантливым и ценным), а моя книга будет читаться.

Березкин начал свою рецензию а) с признания того, что он вырос *на* моем курсе, и б) с объяснения своей критической позиции тем, что он вырос *из* моего курса.

Я прекрасно помню свой уход из Европейского университета, где я числюсь одним из основателей, и передачу моего курса Юрию Березкину, для меня — Юре (он один из моих бывших студентов). Мне стукнуло 70 лет, я еще преподавал затем недолго в госуниверситете, но уже не мог справляться со всеми обязанностями в Европейском. Было бы, вероятно, естественно для старого мастера обидеться, уйти, не раскрыв всех своих производственных секретов, и со злорадством следить, как молодой и неопытный сменщик будет скользить и падать. Не желая быть таким злорадным мастером, я тотчас позвонил Юре и предложил ему все свои планы и конспекты, все материалы по курсу. Я рад, что они пригодились хотя бы первые несколько лет.

Но уверенность рецензента в том, что он, выросши из моего курса, перерос его, мне кажется, нуждается в корректировке. В чем-то, конечно, перерос, это естественно — в знании фактов, специализации, открытии новых аспектов. Но с оценкой некоторых старых принципов можно поспорить: новые вряд ли приведут к их падению.

1. Березкину видится мое изложение истории науки как постоянный прогресс европейского разума, и, видимо, он сам относится к этой картине скептически. Но, поскольку он не развил эту тему, я не стану корректировать и защищать здесь свое видение.

2. В моей книге, получившейся весьма объемной, Березкин видит сочетание исследовательской монографии, учебника и справочника. С его точки зрения, это плохо. Книга дороговата, великовата, и ее не считаешь в метро или самолете. Верно, есть некоторые неудобства. Коль скоро это в сущности университетский курс, функция учебника на первом плане. Но я по натуре исследователь и не мог не вводить свои новации, обойтись без аргументов и т.д. (излагая и точки зрения оппонентов). Плохо ли придавать учебнику некоторые функции исследова-

тельской монографии? По-моему, это желательно, если иметь в виду студентов и аспирантов ведущих университетов, если готовить кадры для науки. Юра, будете писать свой учебник — смело придавайте ему свойства монографии, кроме языка — язык пусть остается живым и простым. Может быть, Вам удастся добиться этого при небольшом объеме книги. Ну а справочные функции — только в библиографии и указателях, а как без них? Без глоссария обошелся.

3. Осуждает Березкин и живо написанные биографии ученых. Он признает, что это облегчает усвоение курса, но занимает слишком много места. «Клейн словно бы забывает, что подобные зарисовки — не цель, а средство», — сетует он [Березкин 2015: 244]. Здесь мы расходимся кардинально. Мой рецензент близок к постструктуралистскому девизу: нам нет дела до биографии писателя — для нас писатель умер, у нас есть его произведение. Не важно, кто и почему сделал открытие, — важно лишь само открытие. Этот девиз спорен и сам по себе. Нам чрезвычайно интересно, как и почему сделано открытие, особенно если мы готовим кадры для науки.

Я же вообще привержен новому направлению историографии — направлению, которое у нас называется *антропологическим*. Его придерживаются Д.А. Александров, И.В. Тункина, в ее работах есть и аргументация в пользу этого направления. Оно предлагает рассматривать ученого как личность, во всей системе его общественных и личных связей, а историю науки трактует как неразрывно связанную с развитием общества — не только воплощенного в государстве и государствах и даже не только в университетах и академиях, но и в дробной сети объединений, кружков, салонов, компаний, отношений, поветрий и пристрастий. Формирование и деятельность ученого проходили в этой среде, и все это сказывалось на результатах его усилий гораздо больше, чем принято думать. Пишет же Березкин в своей рецензии: «Как и все книги Клейна, “История антропологических учений” в полной мере отражает личность ее автора» [Березкин 2015: 243].

Мы значительно лучше понимаем сложность положения Боаса и оцениваем его победу над эволюционизмом, когда узнаём, что в Первой мировой войне эволюционисты заняли патриотическую позицию в Америке, а еврей Боас вступился за свою прежнюю родину Германию и рассматривался в Америке как предатель. Описание сексуальных приключений Маргарет Мид помогает понять ее выбор тематики исследований и ее решения проблем. Это не только в истории антропологии. Мы изучаем Артура Эванса как великого археолога, открывшего минойскую цивилизацию, но он был еще и гомосексуалом,

пойманным полицией с неким продажным юношей в парке Лондона, и тайным агентом Британской империи на Балканах, и по его идеям была создана Югославия. Я могу доказать, что все это сказалось на его археологической деятельности (каюсь, я не очень приоткрывал эту завесу в своем очерке об Эвансе в «Истории археологической мысли»). И если взять мое общее наблюдение, что в культурной антропологии среди ее ведущих фигур оказалось вообще скопище отверженных — социалистов, революционеров, гомосексуалов, сектантов, причем не случайно, то это наблюдение, далекое от науки, помогает лучше понять специфику антропологии как науки — ее принципиальный релятивизм.

По Березкину, увлечение биографиями ведет к перекосам: «У Клейна Дж. Фрэзер попадает между А. Хэддоном и Э. Лэнгом — в общем ряду, не лучше и не хуже», — но это просто неверно. Фрэзеру уделено пять страниц, Лэнгу — две с половиной (не очень лестных), а Хэддону — несколько абзацев в разных местах книги. Согласен, что Фрэзера надо было дать более полно: и «Фольклор в Новом Завете», и еще кое-что.

4. Березкин отмечает, что я сменил свое многолетнее противостояние постмодернизму на признание некоторых достижений и заслуг постмодернизма и даже нашел у себя его проявления. Это действительно так. Но рецензент отмечает это как мое поражение, отход с боевых позиций. Я это поражением не считаю. Научная полемика — не война, а совместное движение к истине. Мы боремся только за то, кто вернее сделает следующий шаг. Плох тот ученый, который никогда не изменяет ни чем своих взглядов. А ведь я еще и историограф, мне надлежит искать позитивный вклад даже у своих противников, учитывать критику (ведь и Березкин хотел бы, чтобы я учел его критику). Тем более что мое неприятие основных положений постмодернизма остается.

5. Удручает Березкина и «соединение в одном тексте» обзора важнейших антропологических школ мира с пассажами о «русской идее» в ее советском и постсоветском исполнении «и тем более с описанием обстановки, в которой работали этнографы в СССР». Он задает риторические вопросы: «Ну кто такая Т.Д. Соловей, зачем она в одной книге с Ф. Боасом или В. Тернером? Да и сам Ю.В. Бромлей — много лучше?» И заключает: «Нельзя совмещать рассказ о развитии научной мысли с рассказом об интригах и способах выживания в одной отдельно взятой стране, которой не повезло. Это фигуры из разных миров и темы для разных аудиторий» (все цитаты — [Березкин 2015: 247]).

Забавно, что это обвинение контрастирует с нареканиями от других (С.А. Васильев, И.В. Тункина) в уже цитированном обсуждении, которые считают, что я недостаточно и с узким выбором поместил в свою историю мировой археологической мысли труды российских исследователей. В моем «Ответном слове» содержится достаточно разъяснений по этому поводу. Лучше или хуже Бромлей Боаса или Тёрнера — это вопрос оценки личного вклада, а вот что Бромлей характеризует целый период в истории советской этнографической мысли — это факт истории, и никуда от него не уйдешь. Соловей мне важна была не личным вкладом, а как показатель распространяющегося течения в российской науке. Обратите внимание на Соловей, Юрий Евгеньевич, пока она не обратила свое внимание на Вас.

6. Мой рецензент выражает скепсис по отношению к использованию понятий из советского или даже более раннего наследия — «первобытные люди» и даже «дикари». «Здесь не в политкорректности дело, а в том, что подобное словоупотребление давно уже неприемлемо по существу» [Березкин 2015: 247]. Березкин приводит серию этнонимов — «уйгуры, казахи, халх-монголы, буряты, якуты, манси, ненцы, юкагиры, алеуты, тлинкиты» — и вопрошает: «Кто здесь “первобытные”, а кто нет? Не надо ломать голову — вопрос не имеет смысла» [Березкин 2015: 247]. Вопрос действительно не имеет смысла, потому что спрашивать надо: *когда* те или эти люди были первобытными и даже дикарями, т.е. принадлежали к постулированной Морганом стадии дикости. Для Березкина (и многих других антропологов вместе с ним) само понятие «первобытный» и еще ряд подобных неприемлемы, поскольку претят их убеждению, что эволюция не идет по линии прогресса, а лишь разводит народы по разным равноценным линиям развития их исходных данных. Одни строят синхрофазотроны и летают в космос, а другие ходят голышом и охотятся на тапиров в джунглях Амазонки. Просто разные предпочтения. Кто из них первобытные, а кто — нет?

На мой взгляд, релятивизм, хотя и присущ принципиально культурной антропологии как науке, имеет свои границы. И это живо обсуждается в антропологии. Одно дело — спорить о том, в чем прогресс, другое — обесценивать прогресс вообще. Одно дело — противопоставлять старой установке нормы (мы) и патологии (они) наличие разных норм, другое — противопоставлять им отсутствие норм вообще.

И совсем иное дело, что дикими могут быть и современные люди. Березкин уверен, что давние рассказы о людях с собачьими головами — это лишь дискурс, не повлиявший на поведение, хотя проверить это экспериментально и невозможно.

Но когда тысячи людей ставили банки с водой перед телевизором, чтобы зарядить их целебными свойствами от Кашпировского, это что — не дикость и эксперимент? И не воздействие диких идей на поведение современников?

Огорчают Березкина мои штампы советского времени — «рабовладельческое общество», «переход к классовому обществу». А что, совсем не было такого? Рецензент укоряет меня: «Не надо думать, что положение рабов на юге Аляски было лучше, чем в Эгеиде во времена Аристофана. Никакое это не мягкое патриархальное рабство — могли запросто убить ни за что, а то и в огонь бросить» [Березкин 2015: 247]. Конечно, границы этих явлений сдвинулись, рубежи ныне размыты. Так ведь ночь и день нечетко размежеваны, а существуют. Рабство есть и в наши дни. И все же одно дело, когда это общественная норма и существуют открытые рынки, где продаются люди, а другое — когда раба приходится укрывать в подпольном зиндане.

Рецензент обобщает: «Когда Лев Самойлович пишет о предметах, которыми он специально не занимался, он, к сожалению, готов повторять старые и малоинтересные штампы. Это плохо» [Березкин 2015: 251]. И далее следует риторический вопрос, вопрос-утверждение: «Неужели на тех, чья первая или даже большая половина жизни прошла в ином мире, его нормы и правила наложили неизгладимый отпечаток?» Несомненно, наложили. И я, вероятно, от этого несвободен. Я немало критиковал марксизм — скрыто под его господством и открыто после падения советской власти. Но мне бы не хотелось отказываться от важных положений советского времени только потому, что они построены тогда. Не все, что тогда строилось, необходимо сносить.

7. Для Клейна история науки есть прежде всего история ее теорий, история идей, и это главное, что не устраивает Березкина. Об этом есть пассажи в середине дискуссии, и это вынесено в заключение. «Но хватит придирается, — пишет рецензент. — В начале рецензии я написал, что критиковать Льва Самойловича — не слишком правильное занятие» [Березкин 2015: 251]. Верно это или неверно, но далее следует именно критика. «Клейн — фигура мощная и трагическая. Трагедия состоит в некогда совершенной им экзистенциальной ошибке — развитие науки есть якобы развитие идей. Да, конечно, не формулируя теорий, невозможно осмыслить и структурировать знание, но в этом тандеме не идеи, а конкретное знание логически стоит впереди. Нельзя создать образ мира, используя набор кубиков» [Березкин 2015: 251].

Пояснения этой мысли: «Неужели Лев Самойлович думает, что Боас стал бы отцом-основателем американской антропологии

(а таковым он, конечно, стал), если бы просто писал теоретические статьи?» [Березкин 2015: 245] — Нет, конечно, я так не думаю. Но стал бы Боас отцом-основателем, если бы у него не было идей о необходимости собирать новые материалы по этнографии и группировать их по-новому, вопреки эволюционистским идеям? Нет, не стал бы. А эти идеи и их отрицание — теоретические идеи. Написал он статьи об этом или нет — это уже второстепенный вопрос.

Я знаю, что такой настрой Березкина имеет много симпатизеров как в антропологии, так и в археологии. Но от этого он не становится истиной. Моя трагедия не в том, что я ошибочно вижу историю науки как историю идей, а в том, что большинство ученых этого не видит и, более того, что это нормальное состояние науки. Численно практики и должны преобладать над теоретиками. Но понимать значение теории.

Прирастание конкретного знания, расширение материала и его видов необходимы для развития науки, но само это прирастание во многом вызывается развитием теорий, революции в науке порождаются вспышками новых идей. Это неоднократно постулировали гении науки и признавали историки науки. И я об этом писал неоднократно (см. хотя бы: [Клейн 2004]), так что не стану повторяться. Да, шляхтич Бронислав Малиновский, «Царь (Рекс)» Браун-Анархия и немец Рихард Турнвальд независимо друг от друга наоткрывали новые факты, характеризующие поведение туземцев на Тробрианских, Андаманских и Соломоновых островах и у папуасов Новой Гвинеи, но почему-то одинаково и почти в одно время выдвинули идеи функционализма, восприняв которые, тысячи антропологов и социологов стали по-новому видеть материал.

Вот поэтому я и писал «Историю антропологических учений», а не историю антропологии. Березкин хотел бы, чтобы я написал другую книгу. «Кребер, — заявляет он, — был прежде всего ученым и лишь во вторую очередь — философом. Его историко-софские идеи имеют значение для истории науки, а его работа в качестве этнографа и лингвиста — для науки как таковой» [Березкин 2015: 246]. А разве я разбираю его философию? Я разбираю его антропологические теории, а не философию. Считать теории синонимом философии — это широко распространенный признак заядлого эмпириста. Очень характерно для такого подхода отвергать историко-софские идеи, «имеющие значение для истории науки», и выдвигать на первый план работу в качестве этнографа и лингвиста, которая определяет «науку как таковую». Но я-то пишу именно историю науки, а не руководство для науки как таковой.

Завершает свою рецензию Ю.Е. Березкин словами: «Заниматься подобной темой не бесполезно, но она не самая важная. История идей — это скорее введение к истории науки, нежели подведение итогов» [Березкин 2015: 252]. А я и не собирался подводить итоги. Я писал именно введение к истории науки. И я очень признателен Березкину за то, что он уловил эту суть.

По поводу другого моего труда, «Истории археологической мысли», тоже со включением многих фигур антропологии, Березкин заметил: «Мне остается лишь склонить голову перед грандиозностью проделанной работы и признать, что сам я ничего подобного создать не сумел бы. А если бы попытался, то сделал бы совсем иначе» [Березкин 2013: 593]. Ну конечно. И я очень надеюсь, что сделает.

Библиография

Березкин Ю.Е. Рец. на: Клейн Л.С. История антропологических учений / Под ред. Л.Б. Вишняцкого. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2014. 744 с. // Антропологический форум. 2015. № 24. С. 242–252.

Березкин Ю.Е. Обсуждение книги Л.С. Клейна «История археологической мысли» на методическом семинаре ИИМК РАН // Российский археологический ежегодник. 2013. № 3. С. 583–608.

Клейн Л.С. Введение в теоретическую археологию. Кн. 1: Метаархеология. СПб.: Бельведер, 2004. 470 с.

Лев Клейн

A Predecessor's Reactions to His Successor's Review of The History of Anthropological Ideas

Lev Klejn

Retired

lsklejn@gmail.com

In Yuri Berezkin's review of my book *The History of Anthropological Ideas*, he diminishes the importance of theories in anthropology and places a strong emphasis on facts. Therefore, he would prefer if I wrote a different book, not a history of ideas. Yet I believe that revolutions in science are performed first and foremost due to changing ideas, that create a new way of seeing the facts themselves. Additionally, the reviewer does not like my accentuation of scholars' biographies, but I propose that ideas spring up in a living milieu, whose qualities should be explored.

Keywords: history of anthropology, biographies, theories, relativism, postmodernism.

References

- Berezkin Y., 'Review of: Lev Klejn, *Istoria antropologicheskikh ucheniy*. SPb.: Izdatelsky dom SPbGU, 2014. 744 pp.', *Antropoogicheskij Forum*, 2015, no. 24, pp. 242–252. (In Russian).
- Berezkin Y., Obsuzhdenie knigi L.S. Kleyna «Istoriya arkhеologicheskoy mysli» na metodicheskom seminare IIMK RAN [A Discussion of Lev Klejn's Book *The History of Archaeological Thought* at a Methodological Seminar of IIMK RAN], *Rossiyskiy Arkheologicheskij Yezhegodnik* [Russian Archaeological Annual], 2013, no. 3, pp. 583–608. (In Russian).
- Klejn L., *Vvedenie v teoreticheskuyu arkhеologiyu* [Introduction to Theoretical Archeology], St. Petersburg: Belveder, 2004. Book 1: Meta-arkheologiya [Meta Archaeology]. 470 pp. (In Russian).